

В. В. Носырев

РОКОССОВСКИЙ: ПУТИ ОБРЕТЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Рассмотрено формирование идентичности Рокоссовского, чья фигура явно выделяется из плеяды советских военачальников. Понять, почему он прослыл «душой армии», чем отличался в духовно-психологическом смысле от других полководцев эпохи, невозможно, минуя реконструкцию этапов формирования его идентичности. Рассматриваются основные этапы оформления эго-идентичности К. К. Рокоссовского, имевшие свою специфику в силу принадлежности будущего маршала к особым социальным полям национально-государственного пространства России, благодаря чему сформировалась и иная, нежели, скажем, у Г. Жукова конфигурация идентификационных идеалов и ценностных ориентаций. В своей реконструкции автор опирается на полидисциплинарную технологию анализа, разработанную в рамках томской методолого-историографической школы.

Ключевые слова: *Рокоссовский, идентичность, социальная роль, Красная Армия, маршал, идентификационный идеал, георгиевский кавалер, кавалерист, стиль командования.*

Выбор темы данной статьи обусловлен актуальностью проблематики исторической психологии советской эпохи и, в частности, ее особого периода Великой Отечественной войны. Понять и учесть уроки этого трагического и великого периода нашей истории необходимо для предотвращения подобного развития событий в наше время. Константин Константинович Рокоссовский оказался в фокусе исследования не случайно: репрессированный, как многие военачальники, любимец армии и народа, отличающийся стилем общения с подчиненными, далеким от авторитарного поведенческого кода маршала победы, Г. Жукова, да и многих других полководцев тех лет, он, тем не менее, не был «случайной кометой Галея» на небосклоне советского военного истеблишмента. Но, напротив, в каком-то смысле знаковой фигурой тех лет. Понять его духовно-психологическую инаковость невозможно вне анализа этапов формирования его идентичности, что требует особых историко-психологических методов исследования. Между тем именно такой ракурс рассмотрения К. К. Рокоссовского является лакуной в нынешней историографии, посвященной тем, кто составлял элиту советского военного командования. Отсюда проистекает и новизна постановки проблемы в данной статье.

Данное исследование опирается на следующие группы источников:

1. Мемуары, воспоминания авторов, непосредственно взаимодействовавших с К. К. Рокоссовским и оставивших воспоминания о нем: И. Г. Драган [1], П. А. Теремов [2], С. И. Руденко [3], И. Х. Баграмян [4], Л. М. Млечин [5], А. С. Басов [6], А. Ф. Корольченко [7];

2. Различные свидетельства авторов, описавших жизнь и деятельность К. К. Рокоссовского на основе исторических документов и свидетельств очевидцев: В. И. Кардашов [8], Ф. И. Чуев [9];

3. Военные мемуары самого К. К. Рокоссовского [10].

Константин Константинович Рокоссовский контрастно выделяется среди плеяды полководцев Великой Отечественной прежде всего стилем руководства, но главное – своим воздействием на солдата. По силе воздействия его впору сравнивать с Суворовым. В связи с этим интересно проследить формирование профессиональной идентичности Рокоссовского. Идентичность можно представить как систему интериоризованных и выработанных установок личности, которая призвана обеспечить бессознательное чувство целостности и адекватности «Я» обществу через принятие норм, ориентиров и табу тех микросоциальных групп, в которых личность социализируется в обществе. Таким образом, жизненные установки и принципы личности формируются в зависимости от опыта, который она получает. Причем этот опыт, по Бурдые, во многом определяется принадлежностью его носителя к определенному социальному полю, его социальной ролью, информационным, политическим и символическим капиталом [11, с. 72]. Поскольку автор данной статьи еще не обладает всей полнотой необходимой информации для поставленной цели реконструкции пути обретения К. К. Рокоссовским уникальной историко-психологической идентичности, то задача формулируется более скромно: с помощью имеющейся источниковой информации и инновационной технологии историко-психологического анализа абрисно-гипотетически очертить процесс обретения им его особой идентичности.

Безмятежное детство Кости Рокоссовского (род. в 1896 г.) окончилось неожиданно. Ксаверий Рокоссовский, его отец, попал в железнодорожную катастрофу, был тяжело ранен. Он долго болел и, лишенный помощи со стороны государства, умер, оставив семью без средств к существованию. По этой причине, едва успев окончить четырехклассное городское училище, подросток Рокоссовский начинает работать. Сначала, правда, недолго,

Костя помогает кондитеру. Из-за побоев уходит от хозяина, некоторое время работает у зубного врача, по той же причине покидает и дантиста. «Пожаловаться было некому, месткомов тогда не существовало», – будет шутить на этот счет впоследствии маршал Рокоссовский [8, с. 6]. Как же повлияло на формирование его идентичности это обстоятельство? Предоставим слово самому Рокоссовскому. В бытность свою командиром 15-й кавалерийской дивизии, расследуя факты ненадлежащего обращения с подчиненными, 23 ноября 1934 г. он издал приказ, в котором значилось следующее: «Каждый командир и политработник обязан знать, что нет худшего в Красной Армии преступления, кроме измены и отказа от службы, как рукоприкладство, матерщина и грубость, т. е. случаи унижения достоинства человека, человека, призванного в армию, которому дано оружие, который носит почетное звание красноармейца, защитника Советской Родины, – и что может быть почетнее этого?» [12, с. 5]. Таким образом, К. К. Рокоссовский развивал нетипичный для красного командира демократический стиль руководства войсками. А основой такого рода стиля, мы можем предположить, полагаясь на психологическое знание, была идентификация с теми, кто подвергался такого рода унижениям, вкуче с установками базисного доверия, полученными в семье. Ведь семья Рокоссовского привила ему уважительное отношение к людям. Все его поведение является яркой иллюстрацией нравственного развития этой личности. Нравственная составляющая духовно-нравственного воспитания формируется преимущественно воздействиями на сознание и влияет на внешнее поведение человека, на его отношение к миру природы и миру людей и является результатом воспитания направленности, отражая при этом ценностные ориентации личности [13, с. 41].

Демократический стиль в теории управления характеризуется стремлением руководителя к выработке коллективных решений, интересом к неформальным человеческим отношениям, согласованию с подчиненными своих действий; работники оцениваются исходя из объективных, известных всем критериев; им оказывается необходимая помощь и поощряется их самостоятельность и творческая инициатива. Такому руководителю свойственны самокритичность, общительность, самоконтроль и ровные отношения с сотрудниками. Иными словами, Рокоссовский, в отличие от многих военачальников, не был носителем авторитарного сознания. Такой подход оправдал себя, и Рокоссовский нередко добивался гораздо более значительных результатов, чем другие маршалы и генералы, опиравшиеся на силу, а его авторитет в войсках был неоспорим.

Вернемся к детству Рокоссовского. В 14-летнем возрасте юноше пришлось хоронить и мать. Таким образом, Константин Рокоссовский теперь уже совершенно самостоятельно вынужден добывать себе кусок хлеба [8, с. 6]. Муж одной из его теток, Высоцкий, имел в Праге небольшую мастерскую по изготовлению памятников. Поэтому Высоцкий взял его на работу, и Костя стал помощником каменотеса. На этой изнурительной работе закаляется и крепнет воля и трудолюбие молодого человека. Здесь продолжается воспитание Кости. У своих товарищей по профессии он перенимает уважительное отношение к трудовому человеку. «Поставь себя на место другого», – эти слова, многократно повторяемые им впоследствии подчиненным, были услышаны Костей Рокоссовским от старого каменотеса [8, с. 7]. Без всякого сомнения, эта установка стала его идентификационным идеалом, ведь сам он неукоснительно следовал этому правилу, пропуская боль и чаяния других людей через себя. Повидав сам много горя, Рокоссовский стал учитывать психологическое состояние окружающих. На языке психологии это называется законом идентификации. Все это и выработало тот особенный стиль поведения с подчиненными, который контрастировал со стилем многих других военачальников. Профессиональное самоопределение связано с самореализацией в других сферах жизни. Осознание смыслов выполняемой работы и жизнедеятельности является принадлежностью к конкретной социально-экономической и культурно-исторической среде. Процесс профессионального самоопределения раскрывает избирательное отношение индивида к выбранной профессии, где его ядром является осознанный выбор с учетом особенностей личности, ее возможностей и требований профессиональной деятельности в конкретных социально-экономических условиях. Самоутверждаясь в профессии, личность переосмысливает профессиональное бытие в течение всей профессиональной жизни, достигая профессионального самоопределения [14, с. 114].

Предоставим слово современникам. Н. И. Крылов, бывший в 1942 г. начальником штаба 62-й армии, а впоследствии командующим РВСН, вспоминал: «Константин Константинович Рокоссовский обладал большим человеческим обаянием, и оно ощущалось с первых минут общения с ним. Располагали к нему простота, с которой он держался, открытый взгляд, вдумчивая внимательность ко всему, что он видел и слышал, мягкая сдержанность жестов и речи, непредвзятость суждений, да и многое другое. Некоторая скованность, обычная при встрече с незнакомым начальником, исчезла как-то сразу. Очень понравилась мне и манера анализа Рокоссовским обстановки,

изложения боевых задач и иных распоряжений – немногословно, глубоко, исчерпывающе четко. Было ясно, что над всем высказываемым он много думал» [1, с. 127]. И это одно из самых сдержанных свидетельств. Так, многие могли рассказывать о встрече с Рокоссовским только в выражениях «совершенство» и «идеал».

Чуев писал о нем: «Практически все, не исключая и Голованова, рассматривают эту манеру поведения Рокоссовского как некое личное качество. Вот такой он приятный человек. Кое-кто идет дальше и записывает мягкость Рокоссовского скорее в минус ему, чем в плюс. А между тем, чем больше я узнаю о Рокоссовском, тем более убеждаюсь, что его деликатность и спокойствие были сознательным командным стилем. Рокоссовский был не мягким, а довольно жестким командиром и отнюдь не флегматиком. Но он придерживался мнения, что война и ответственность за жизни людей и за успех дела сами по себе являются очень большой нагрузкой на нервную систему. И не следует эту нагрузку усугублять начальственным рыком. „Командир обязан думать“. А человек, „сошедший с резьбы“, думать не способен. Рокоссовский действовал как хороший психолог, и его спокойствие было следствием постоянного самоконтроля» [5, с. 342]. При всей верности этой оценки оговорим одно важное обстоятельство. «Мозг не вырабатывает мысль, как печень желчь», поэтому оценивая спокойствие и доброжелательность Рокоссовского как сознательный командный стиль, Чуев невольно модернизирует ситуацию. Этот стиль был результатом длительного повторения схожих по стилистике решения многих и многих задач, закладывавших на уровне подсознания готовность поступать таким образом, поскольку сам Рокоссовский чувствовал и видел результативность такого рода поведения, но не как сознательно поставленной или беспредпосылочной, с точки зрения опыта, целью.

А вот что говорит С. И. Руденко, командующий авиацией Донского фронта: «Что особенно привлекало в новом командующем? Он глубоко понимал любые вопросы организации боя, умел предвидеть, как будут развиваться события при тех или иных изменениях обстановки. Была у него и еще одна хорошая черта: внимательное отношение к каждому. Некоторые мнения он не разделял и прямо говорил, что такую точку зрения не поддерживает, что надо делать не так, а иначе. Но делал это спокойно, уважительно. Недобросовестным или халатным людям спуска не давал» [3, с. 55].

Пропуская боль других через себя, Рокоссовский искал и находил совершенно неожиданные решения, способные удивить не только людей того времени, но и современного исследователя. Вспо-

минает командир 108-й дивизии П. А. Теремов: «Вот история, которую я не раз слышал от офицеров-старожилков сто восьмой: и от Лозовского, и от Фотченко, и от Каретникова. После тяжелых боев западнее Смоленска дивизия переправилась через Днепр и зацепилась за рубеж речушки Устром. Люди были измучены. Нервы у всех напряжены до предела. Сюда и приехал К. К. Рокоссовский принимать в свою группу новое соединение. Обращаясь к начальнику политотдела Алексею Кирилловичу Матвееву, командующий прежде всего спросил: „Скажите, пожалуйста, а клуб у вас в дивизии есть?“ Это было так неожиданно и по видимости так не соответствовало обстановке, что начподив широко открыл глаза: „До клуба ли сейчас нам, товарищ генерал?“ А Рокоссовский в своей спокойной манере продолжал: „А танцы вы вечером для командиров не устраиваете?“ Матвеев сорвался: „Мы тут так танцуем... уже дотанцевались!..“ Командующий, поглядывая на столпившихся вокруг офицеров, заключил: „Вы это зря, товарищ Матвеев. Ведь мы будем воевать не месяц, и не год, а много больше. Надо привыкать к войне. Я думаю, что когда заеду к вам в следующий раз, то клуб в дивизии все-таки будет...“» [2, с. 27]. И клуб появился. Умение видеть полноту жизни, верить в будущее, способность показать это другим безусловно проистекали из характера идентичности нашего героя.

С детства Константин был очень начитанным. Очень скоро самыми любимыми стали для него книги о войне, о необыкновенных подвигах необыкновенных людей. Костя восхищался образами прославленных героев и полководцев, с упоением читал книги о военных походах и кровавых битвах. Без всякого сомнения, так формировался еще один из его идентификационных идеалов. Быть лидером, военным героем, вести людей к победе – все это вошло в плоть и кровь маленького Рокоссовского. Здесь мы сталкиваемся не столько с каким-то особым видением идеала, а скорее ценностным ориентиром многих молодых людей того времени, чья социально-психологическая идентичность не могла не испытывать очарования от самой престижной роли того времени – роли военного, причем героя. И поэтому, когда пришло время, он, на половину поляк, добровольцем отправляется сражаться за Российскую империю. И не просто сражаться, а быть всегда на передовой, рисковать своей жизнью очень характерно для нашего героя. Он неизменно следовал своему идентификационному идеалу воина-полковника, почерпнутому из книг о войне. Участник бесчисленных вылазок в тыл врага, лихой кавалерийский рубака, вечный доброволец и инициатор многих рискованных предприятий – этот Георгиевский кавалер пользовался ог-

ромным авторитетом среди своих сослуживцев. Так было в царской армии, так будет и в Красной Армии. В связи с этим маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, пробега в памяти годы совместной учебы в Ленинграде на Кавалерийских курсах усовершенствования командного состава (ККУКС), писал: «Особую симпатию в группе вызывал к себе элегантный и чрезвычайно корректный Константин Константинович Рокоссовский. Стройная осанка, привлекательная внешность, благородный, отзывчивый характер и великолепная спортивная закалка, без которой кавалерист – не кавалерист, – все это притягивало к нему однокашников. Среди нас, заядлых кавалеристов, он заслуженно считался самым опытным конником и тонким знатоком тактики конницы. Об этом свидетельствовали и два ордена Красного Знамени на груди Рокоссовского, красноречиво говорившие о его мужестве и бесстрашии в минувших боях» [4, с. 133].

Все отзывы о нем проникнуты восторженным признанием его профессиональной состоятельности. Чего стоит хотя бы такое признание его сослуживца: «В присутствии Константина Константиновича было совершенно невозможно проявить признаки беспокойства или растерянности: было просто стыдно» [5, с. 782]. Далее Л. Млечин отмечает, что за всю войну Рокоссовский ни разу не повысил голоса на своих подчиненных; входящих в его кабинет встречал стоя и садился, лишь усадив гостя, и при этом любое его указание исполнялось немедленно. Рокоссовский обладал еще одной редкой чертой – умением прощать промахи. Ему не были свойственны мстительность и злопамятность [5, с. 782]. Об этом же говорит и генерал-полковник Л. Золотов, добавляя, что он был неизменно доброжелательным, стремился понять человека, войти в его положение. Обладая сильной волей, он был лишен жестокости и грубости по отношению к кому-либо [12, с. 7]. В самых сложных ситуациях маршал неизменно оставался невозмутимым и хладнокровным; его неизменно отличали исключительная принципиальность, выдержка и тактичность [6, с. 77]. Таким образом, все названные исторические персонажи обыденным языком говорят об отсутствии авторитаризма у Рокоссовского. И результат всех этих военных и человеческих достоинств Рокоссовского был так же неизменен: «В частях командира Рокоссовского каждый боец исполнен спокойной решимости – умереть, но не пропустить врага... Части командира Рокоссовского поражают своей организованностью и стойкостью...» [1, с. 66].

По свидетельству генерала армии П. И. Батова, для него был характерен нерасторжимый сплав решительной и смелой, если не сказать, дерзкой ини-

циативы с мудрым и трезвым учетом имеющихся возможностей, боевого потенциала солдат; его «отточенное искусство вождения войск», впитавшее в себя все «многообразие и богатство нашей военной мысли, отличалось динамизмом, новизной и оригинальностью решения возникавших оперативных проблем, искусным применением маневра, рациональным использованием резервов» [7, с. 131]. Рокоссовского в западной прессе окрестили «мастером стремительных ударов и массовых окружений» и даже дали ему прозвище «генерал Кинжал» [7, с. 132].

П. И. Батов, старый соратник маршала, делится впечатлениями: «Что необычного открыл я для себя во внешнем облике К. К. Рокоссовского? Это какая-то трудно объяснимая словами искрящаяся одухотворенность его лица, его движений, голоса, манеры говорить, слушать... Словно он постоянно излучал интеллектуальную энергию. Любой человек, который вдруг оказывался в зоне действия этой биоэнергии, ощущал на себе ее одухотворяющее, жизнеутверждающее воздействие» [15, с. 82]. Эта оценка П. И. Батова в терминах психологического знания может быть интерпретирована следующим образом. Набирая по мере успешного овладения профессией установки психологической уверенности в себе, имея твердые в нравственном отношении идентификационные ценности, Рокоссовский не мог не быть, как показывает психологическая теория установки, источником излучения этой энергии, которая питала многих, придавая людям сил. А это, в свою очередь, придавало дополнительный импульс к выделению Рокоссовского как особого военачальника.

Заключая, можно сказать, что «секрет» Рокоссовского крылся в особенностях формирования его идентичности. Этот «скупой на слова и щедрый на боевую дружбу» «любимец всего советского народа» [15, с. 256] формировался в среде, которая давала много импульсов для обретения позитивной идентичности. Ее становление и развитие происходило через отождествление со значимыми для него людьми (в первую очередь с родителями и простыми рабочими людьми, встретившимися на его жизненном пути, а также с героями его любимых книг). Социально-психологическая идентичность молодых людей его поколения, сами обстоятельства времени во многом определили выбор главной социальной роли, а упорство, ум, природные данные позволили блестяще овладеть ею. В этой идентичности не было следов спутанности, как сказал бы Э. Эриксон. Ее целостность прозрачно отражается не только в высказываниях его современников, но и в его собственных словах. В своей книге Константин Константинович писал: «И в моей душе росло чувство гордости за наших воинов, за наш народ, который в титаниче-

ской борьбе поставил врага на колени. Гордости за то, что и я принадлежу к этому народу-великану и что какая-то крупница и моего труда заложена в одержанной победе. Это не было самодовольство, нет. Это было именно чувство гордости» [10, с. 375].

Данная статья, посвященная выявлению причин уникальности его идентичности, открывает для ее автора перспективу более глубокого исследования этой незаурядной личности, ее отражения в историческом сознании народа.

Список литературы

1. Драган И. Г. Николай Крылов. М.: Молодая гвардия, 1988. 316 с.
2. Теремов П. А. Пылающие берега. М.: Воениздат, 1965. 360 с.
3. Руденко С. И. Крылья Победы. М.: Междунар. отношения, 1985. 400 с.
4. Баграмян И. Х. Мои воспоминания. Ереван: Айастан, 1980. 664 с.
5. Млечин Л. М. Иосиф Сталин, его маршалы и генералы. М.: Центрполиграф, 2004. 815 с.
6. Басов А. С. Полководец суворовской школы. М.: Военное изд-во, 1997. 257 с.
7. Корольченко А. Ф. Маршал Рокоссовский. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 318 с.
8. Кардашов В. И. Рокоссовский. М.: Молодая гвардия, 1980. 446 с.
9. Чуев Ф. И. Солдаты империи: Беседы. Воспоминания. Документы. М.: Ковчег, 1998. 559 с.
10. Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М.: Военное изд-во, 1997. 380 с.
11. Николаева И. Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 410 с.
12. Золотов Л. Великий оппонент Г. К. Жукова. М.: Изд-во полит. лит., 1999. 218 с.
13. Жигина Н. В., Зверева Н. А., Гребенникова Е. В. Девиантное поведение подростков как искажение нравственного воспитания // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2014. Вып. 1 (142). С. 39–44.
14. Толстолес Е. С. Специфика формирования и структура профессионального самоопределения личности в процессе обучения (на примере студентов-медиков) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2013. Вып. 11 (139). С. 113–118.
15. Батов П. И. Маршал Советского Союза Константин Рокоссовский. М.: Молодая гвардия, 1971. 257 с.

Носырев В. В., ст. преподаватель, аспирант.

Новокузнецкий филиал Томского государственного архитектурно-строительного университета.

Ул. День Шахтера, 15 а, Новокузнецк, Кемеровская область, Россия, 654013.

E-mail: Vict22Vic@mail.ru

Материал поступил в редакцию 16.05.2014.

V. V. Nosyrev

THE WAYS OF THE FORMATION OF KONSTANTIN ROKOSSOVSKY'S IDENTITY

The article deals with the formation of Rokossovsky's identity that occurred through identifications with significant others (primarily with parents and ordinary hardworking people during his biographical experiences, and also with «the characters of his favourite books» as they are perceived). These others may be divided into benign such that Konstantin aspired to their characteristics, values and beliefs (a process of idealistic-identification), or malign when he wished to dissociate from their characteristics. The article shows that Rokossovsky's identity is formed predominantly by a choice of certain characteristics. The construction of an individual sense of self is achieved by personal choices regarding who and what to associate with. Rokossovsky's identity is defined as the totality of his self-construal, in which he expresses the continuity between how the charismatic people were in the past and how Rokossovsky construes himself as he aspires to be in the future. This article also directs attention to Rokossovsky's impact on his soldiers.

Key words: *Rokossovsky, identity, experience, biographical, characteristics, impact, values and beliefs, Konstantin, identification, soldiers, aspire.*

References

1. Dragan I. G. *Nikolay Krylov* [Nikolay Krylov]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1988. 316 p. (in Russian).
2. Teremov P. A. *Pylajushhie berega* [Burning coast]. Moscow, Voenizdat Publ., 1965. 360 p. (in Russian).
3. Rudenko S. I. *Kryl'ya Pobedy* [Wings of Victory]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1985. 400 p. (in Russian).
4. Bagramyan I. H. *Moi vospominaniya* [My memories]. Erevan, Ayastan Publ., 1980. 664 p. (in Russian).

5. Mlechin L. M. *Iosif Stalin, ego marshaly i generaly* [Iosif Stalin, his marshals and generals]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2004. 815 p. (in Russian).
6. Basov A. S. *Polkovodets suvorovskoy shkoly* [Suvorov school commander]. Moscow, Voennoe izdatel'stvo Publ., 1997. 257 p. (in Russian).
7. Korol'chenko A. F. *Marshal Rokossovski* [Marshal Rokossovsky]. Rostov-na-Donu, Feniks Publ., 1999. 318 p. (in Russian).
8. Kardashov V. I. *Rokossovskiy* [Rokossovsky]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1980. 446 p. (in Russian).
9. Chuev F. I. *Soldaty imperii: Besedy. Vospominaniya. Dokumenty* [Soldiers of the Empire : Conversations. Memories. Documents]. Moscow, Kovcheg Publ., 1998. 559 p. (in Russian).
10. Rokossovskiy K. K. *Soldatskiy dolg* [Soldier's Duty]. Moscow, Voennoe izdatel'stvo Publ., 1997. 380 p. (in Russian).
11. Nikolaeva I. Yu. *Polidistsiplinarny sintez i verifikatsiya v istorii* [Multidisciplinary synthesis and verification in history]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta Publ., 2010. 410 p. (in Russian).
12. Zolotov L. *Velikiy opponent G. K. Zhukova* [G. K. Zhukov's great opponent]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1999. 218 p. (in Russian).
13. Zhiginas N. V., Zvereva N. A., Grebennikova E. V. Deviantnoe povedenie podrostkov kak iskazhenie nravstvennogo vospitaniya [Deviant behavior of adolescents as a distortion of moral education]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2014, no. 1 (142), pp. 39–44 (in Russian).
14. Tolstoles E. S. Spetsifika formirovaniya i struktura professional'nogo samoopredeleniya lichnosti v protsesse obucheniya [Specificity of formation and structure of professional self-determination of the individual in the learning process]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2013. no. 11 (139), pp. 113–118 (in Russian).
15. Batov P. I. *Marshal Sovetskogo Soyuza Konstantin Rokossovskiy* [Konstantin Rokossovsky, the soviet marshal]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1971. 257 p. (in Russian).

Novokuznetsk Branch Tomsk State Architecture and Construction University.

Ul. Den' Shakhtyera, 15 a, Novokuznetsk, Kemerovo region, Russia, 659227.

E-mail: Vict22Vic@mail.ru